

Г. Низами

Хосров и Ширин

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Г11

Г11 **Г. Низами**
Хосров и Ширин / Г. Низами – М.: Книга по Требованию, 2021. – 160 с.

ISBN 978-5-458-03991-8

Содержание поэмы «Хосров и Ширин» (1181 год) — всепоглощающая любовь: «Все ложь, одна любовь указ беспрекословный, и в мире все игра, что вне игры любовной... Кто станет без любви, да внемлет укоризне: он мертв, хотя б стократ он был исполнен жизни». По сути это — суфийское произведение, аллегорически изображающее стремление души к Богу; но чувства изображены настолько живо, что неподготовленный читатель даже не замечает аллегории, воспринимая поэму как романтическое любовное произведение. Сюжет взят из древней легенды, описывающей множество приключений.

ISBN 978-5-458-03991-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Г. Низами, 2021

Низами Гянджеви
Хосров и Ширин

О проникновении в сущность этой книги

От снов моей души я ныне недалече.
Под сводом замыслов я словно слышу речи:
«Спеши, о Низами, а то минует срок —
Неверны времена и вероломен рок.
Из животворных вод весну исторгни снова
И облеки весну весенней тканью слова.
Свой звонкий саз возьми, — твой короток привал,
Напев твой по тебе давно затосковал.
В путь опоздаешь, — глядь: ночь сумрак распростерла.
Некстати запоешь — под нож подставишь горло.
Как роза, говори лишь только должный срок,
Болтливой лилии привязан язычок.
Слова — булат. Чекан подобный сыщем где мы?
Чеканом слов своих чекань свои дирхемы.
Хоть выкован клинок, но трудность впереди:
До блеска лезвие ты камнем доведи.
Писать не надо слов, идущих не от мысли,
Их говорить нельзя. Своими их не числи.
Несложно нанизать слова свои на стих,
Но крепость дай стихам, чтоб устоять на них.
Слов много у тебя, — пусть будет их немного!
Сто вправь в одно, — в одно сто обращая строго!
Коль забурлит река неудержимых стоп,
Не полноводие увидим, а потоп.
Коль крови через край и слишком жадно тело,
Ты накажи его ножом врачебным смело.
Не много говори, дай речи удила.
Знай: изобилье слов есть изобилье зла.
Сдержи потоки слов, им предназначив грани,
Иль скажут: «Помолчи!» — и нет постыдней браны.
В словах — душа. Душа на все возьмет права.
Твоя бесцenna жизнь — бесценны и слова.
Ты скудоумных брось, и жадных ты не слушай;
Взгляни: они продать за хлеб готовы душу.
Слова — жемчужины. Поэт — он водолаз.
И труден темный путь к ним устремленных глаз.
Страшатся мастера: им долгий опыт нужен,
Ведь бережно сверлят ядро таких жемчужин.
Строги сверлильщики к своим ученикам,
С опаской жемчуга вручая их рукам.
Ты трезв иль разум твой весь в опьяненье сладком,
Ты пиши не давай безудержным нападкам.
Ведь соглядатаев до сотни у тебя,
Они снуют вокруг, подол твой теребя.

Будь осмотрителен и не дохни беспечно.
Не думай про людей: глядят они беспечно.
И вот, заслышиав звук тех потаенных слов,
Ушел я, словно дух, под свой безлюдный кров
В уединении, в котором сердце — море,
Быто все источники, с душой твоей не споря.
И сказку начал я с того благого дня,
В сад райский обратил я капище огня.
Но это капище, вновь явленное взорам,
Я лишь разрисовал мной созданным узором.
Хоть все вмешать в слова живущим и дано,
И может в их ключе все быть заключено, —
Но если отражать в них истину мы можем,
То небылицы мы с их помощью не множим,
От неправдивых слов честь мигом утечет,
Предназначается правдивому почет.
Правдивый всем очам с лучами мнится схожим
Приемля золото, подобен он вельможам.
Зеленый кипарис лишь потому, что прям,
Не предан осенью осенним янтарям.
«Сокровищницу тайн» создать я был во власти,
К чему ж мне вновь страдать, изображая страсти?
Но нет ведь никого из смертных в наших днях,
Кто б страсти не питал к страницам о страстях.
И страсть я замесил со сладостной приправой
Для всех отравленных любовною отравой.
С какою ясностью я всем являю страсть!
К ней пристрастившимся — к моим стихам припасть!
Я взял такой сучок, каких и не бывало.
И фиников на нем нанизано немало.
Известен всем Хосров и знают о Ширин.
Какой рассказ милей и слаще? Ни один.
Но хоть предания отраднее не знали,
Оно, как лик невест, скрывалось в покрывале,
И списки не были известны. И Берда
Таила этот сказ немалые года.
И в книге древних дней, мне некогда врученной
В той местности, сей сказ прочел я, восхищенный.
И старцы, жившие поблизости, меня
Ввели в старинный сказ, исполненный огня.
И книга о Ширин людьми считается дивом,
В ней все для мудрого покажется правдивым.
И как же правдою всю правду нам не счесть?
Есть письмена о ней и памятники есть:
И очертания Шебдиза в сердцевине
Скалы, и Бисутун, и замок в Медаине.
Безводное русло, что выдолбил Ферхад,

Скупой приют Ширин меж каменных оград,
И город меж двух рек, и царственные взлеты
Дворцов хосрововых, и край его охоты,
Варбеда памятен десятиструнnyй саз,
И чтут Шахруд, Хосров там отдыhal не раз.
Мудрец сказал о них, но не дал он рассказу
К сказанию о любви приблизиться ни разу.
Тогда достигнул он шестидесяти лет,
И от стрелы любви уже забыл он след.
О том, как сладких стрел неистова отвага,
Повествовать в стихах он счeсть не мог за благо.
К рассказу мудреца не тронулся я вспять:
Уже звучавших слов не должно повторять.
Я молвлю о делах, опущенных великим,
Велениям любви внимая многоликим.

Несколько слов о любви

Всех зовов сладостней любви всевластный зов,
И я одной любви покорствовать готов!
Любовь — михраб ветров, к зениту вознесенных,
И смерть иссушит мир без вод страны влюбленных.
Явясь рабом любви, заботы нет иной.
Для доблестных блеснет какой же свет иной?
Все ложь, одна любовь — указ беспрекословный,
И в мире все игра, что вне игры любовной.
Когда бы без любви была душа миров, —
Кого бы зрел живым сей круголетный кров?
Кто стынит без любви, да внемлет укоризне:
Он мертв, хотя б стоял он был исполнен жизни.
Хоть над любовью, знай, не властна ворожба,
Пред ворожбой любви — душа твоя слаба.
У снеди и у сна одни ослы во власти.
Хоть в кошку, да влюбись. Любой отдайся страсти!
Дерись хоть за нее, ну что ж — достойный гнев!
Ты без любви ничто, хоть ты и мощный лев.
Нет, без любви ничто не прорастают зерна,
Лишь в доме любящих спокойно и просторно.
Без пламени любви, что все живые чутут,
Не плачут облака и розы не цветут.
И гебры чутут огонь, его живую силу,
Лишь только из любви к полдневному светилу.
Ты сердце не считай властителем души:
Душа души — любовь, найти ее слеши!
Любовь поет кыблу, но помнит и о Лате,
К Каабе льнет, торчит в языческой палате.
И в камне — если в нем горит любовный жар —
Сверкнет в добычу нам бесценный гаухар.
И если бы магнит был не исполнен страсти,
Железо привлекать он не был бы во власти.
И если бы весь мир не охватила ярь,
Не мог бы привлекать соломинку янтарь.
Но сколько есть камней, которые не в силах
Привлечь соломинку, — бездушных и застывших.
И в веществах во всех — а можно ли их счесть? —
Стремленье страстное к сосредоточью есть.
Огонь вскипит в земле, и вот в минуту ту же
Расколет землю он, чтоб взвихриться снаружи.
И если в воздухе и держится вода.
Все ж пасть в стремлении придет ей череда.
Для тяготения в чем сыщется преграда?
А тяготение назвать любовью надо.

О смертный, разум свой к раздумью призови,
И ты постигнешь: мир воздвигнут на любви.
Когда на небесах любви возникла сила,
Она для бытия нам землю сотворила.
Был в жизни дорог мне любви блаженный пыл, —
И сердце продал я, и душу я купил.
С пожарища любви дым бросил я по странам,
И очи разума задернул я туманом.
Я препоясался, пылая, — и постичь
Любовь сумеет мир, услышавший мой клич.
Не для презренных он! Мой стих о них не тужит.
Сладкочитающим, взыскательным он служит.
Вот сказ, но исказит мои стихи писец.
Страшусь: припишет мне свои грехи писец.

В оправдание сочинения этой книги

Когда, замкнувши дверь, в беседе с небосводом
Я время проводил, по звездным переходам
В раздумье странствуя, ища свои пути
Меж ангельских завес, чтоб скрытое найти, —
Я друга верного имел, и не случайно
Ему была ясна моих мечтаний тайна.
И в благочестье лев, он был — я знал о том —
Для всех врагов мечом, а для меня — щитом.
Лишь знание он чтил, в котором нет мирского.
Лишь знание он взял из всех сует мирского.
Вся серебрилась ночь под неземным кольцом,
И стал серебрян перст, гремя дверным кольцом.
Но светлый гость вошел не с миром, а для спора,
И речь его была исполнена укора:
«Да славишься вовек, ты, миродержец слов,
Кому счастливый рок способствовать готов!
Тебе ведь сорок лет, — раздел всей жизни ломкой,
Ты благостный свой лист сей повестью не комкай.
Ты соблюдал посты, ты благочестья свет,
Ты костью падали не разговляйся, нет!
Ведь не влеклось к тебе мирское вожделенье,
И ты к мирским делам не мчал свое стремленье.
Когда твое перо, горящее как луч,
От всех сокровищниц тебе врученный ключ.
Зачем на бронзу ты наводишь позолоту?
Искать лишь золото найди в себе охоту!
Зачем карунов клад скрыл в недрах ты?
Зачем Ты не учитель всех создателей поэм?
В дверь господа стучись, всем ведом ты в отчизне,
Поклонников огня зачем зовешь ты к жизни?
Ты дух свой умертвил, хоть был он огневым,
Лишь Зенд-Авесты чтец найдет его живым!»
И я внимал словам и горестным и ярым.
Но не обижен был я другом этим старым.
И я прочел пред ним, не терпящим грехи,
О сладостной Ширин отменные стихи.
Свой златотканый шелк явил я, над которым
Трудился, лишь начав работу над узором.
Когда увидел друг всю живопись Мани, —
Сей огнедышащий забыл свои огни.
Я молвил: «Почему молчишь ты? Или слово
Для изъявления хвалений не готово?»
И вот воскликнул он: «Язык мой только раб
Тебе несущий дань. Все выразить он слаб.

Слово о Сладостной услышал я. Молчанье —
Единственный ответ на слов твоих звучанье.
Свои заклятия бессчетно множишь ты!
Каабу идолам воздвигнуть сможешь ты!
Так много сладости рука твоя простерла,
Что сахаром твоим мое застлалось горло.
И коль от сахара язык я прикусил, —
Да льется сахар твой! Да не утратит сил!
Дойди же до конца, коль выступил в дорогу.
Основа есть, весь дом достроишь понемногу.
Пускай же небеса твои труды хранят
И сладость вечную твои плоды хранят!
Что медлишь тут? Зачем ждать зова или знака?
Есть у тебя казна с чеканкою Ирака.
Ты справишься со львом; от этих стен Гянджи
Ты своего коня поспешно отвяжи.
Стреми коня. Ты свеж, а наше сердце нежим
На утренних путях мы ароматом свежим.
В дни наши, Низами, красноречивых нет,
А коль и есть, таких, как ты, счастливых нет.
Тень счастья, как Хума, брось на свои деянья,
На филинов обрушь всю тяжесть воздаянья.
Пусть жалкие певцы и блещут, как свеча,
Лиши крыльшки свои сжигают сгоряча.
Их свет — в дому; уйдут лишь на два перехода,
И не видны, но ты — совсем иного рода!
Ты — солнце. Полный день огнестое кольцо
Пылает над землей; всем ведом ты в лицо.
Когда ты выйдешь в путь, твои заслышив речи,
Глупцы в свои углы пугливо спрячут плечи.
Всех дарований грань не станет ли ясна?
И всадника почтит поэзии страна!»
И молвил я ему, взглянув как можно строже:
«Ты с мясником не схож, и я с бараном — тоже.
Светильник мой горит, не дуй на светоч сей.
От веянья Исы не вздрогнет Моисей.
Я — пламень. Пламени воспламенять не надо.
В самосжигании одна моя отрада!
Я хрупкое стекло; кинь камень — и обид
Услышу многоя я, меня покроет стыд.
Ты бронзой чтишь меня под легкой позолотой,
Ты в розах падалью зовешь меня с охотой.
Ты мнишь, что снедь моя — мне лакомая смесь
Из самомнения, в котором есть и спесь.
Мой знаешь гороскоп? В нем — лев, но я сын персти,
И если я и лев, я только лев из шерсти.
И мне ли на врага, его губя, идти?

Я лев, который смог лишь на себя идти!
Где жизнерадостность? И снов о ней не стало.
И всей кичливости весенних дней не стало.
Слов юных похвальба, самовлюбленный бред —
Лишь опьянение; его потерян след.
Лет тридцать проживешь иль хоть бы только двадцать,
С былой беспечностью куда тебе деваться?
Еще под сорок лет нам радости даны,
А после — крыльев нет иль крылья не вольны!
А минет пятьдесят — ушло здоровье; очи
Ослабли. И для ног пути уже короче.
И неподвижны все, когда им шестьдесят,
И тело в семьдесят как бы впитало яд.
А в восемьдесят лет иль больше — в девяносто
Как одолеть нам жизнь и жить нам как непросто!
Коль дальше выйдешь в путь, и ты дойдешь до ста, —
Со смертью схожи дни, и жизнь, как смерть, пуста.
Столетье проживешь иль только день единый, —
Все ж разлучишься ты с пожизненной долиной.
Что ж, радостным пребудь на всем своем пути
И этой радостью создателя почти!
Будь, как свеча: она в своем восторге яра
И тает радостно от радостного жара.
Сверканье радости ты помни, как свеча, —
Та, что погашена и уж не горяча.
И так как радости не сыщешь ты без горя,
И так как льется смех, с твоей печалью споря,
Я дам тебе совет — я знаю, ты толков —
Лишь радости знавать. Послушай, он таков:
Коль осчастливлен ты благой судьбой, — умело
Ты бедняка, о друг, счастливым также сделай.
Ведь солнце радостно, а радостно оно
Затем, что радовать весь мир ему дано».